

Т. Г. Иванова

ТОПОНИМЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ПРИЧИТАНИЯХ: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОСТРАНСТВО

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются топонимы и гидронимы, определяющие пространство в севернорусских причитаниях, при этом подчеркивается, что голошения — это лирический жанр и плачи демонстрируют женское понимание и женское знание о внешнем мире и пространстве. Материал причети сравнивается с былинами. Пространство в былинах — единое для фольклорных традиций всех регионов; пространство в классических причитаниях XIX в. — сугубо региональное. В былинах центральными топонимами являются названия городов (Киев, Новгород, Муром и пр.), в плачах — гидронимы, обозначающие водное пространство (Онега, Печора и пр.). Сопоставление системы топонимов в причитаниях XIX в. с записями советского времени, когда в России произошли кардинальные социальные и идеологические сдвиги, выявляет принципиальное расширение пространственных представлений севернорусских крестьянок. В их плачах появляются такие географические названия, как Москва, Красная площадь, Мурманск и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: причитания, Русский Север, топонимы, гидронимы

УДК [811.161.1'373.21+398](470.1/.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-57-67

ИВАНОВА ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА — д.филол.н., г.н.с., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: tgivanova@inbox.ru

Топонимы в произведениях устной народной поэзии являются вехами, которые отражают представления носителей фольклора о пространстве, хотя, естественно, содержание пространства отнюдь не исчерпывается только географическими названиями. Предмет нашего исследования — пространство, обозначенное топонимами, в причитаниях. Материалом для наблюдений служат севернорусские причеты, то есть голошения, записанные в основном в Олонецкой и Архангельской губерниях. Этот жанр (или конгломерат родственных жанров: свадебные, похоронные, рекрутские, «на случай») имеет свою специфику, которая достаточно явственно прочитывается при сравнении плачей с другими фольклорными формами — былинами. Отметим, кстати, что и причитания, и эпические песни можно считать ключевыми жанрами русского фольклора в рассматриваемом регионе. Системы топонимов в плачах и былинах могут быть сопоставлены (противопоставлены) по нескольким параметрам.

Первый параметр

В былинах (как и в исторических песнях), без сомнения, сформирован мужской взгляд на мир. Эти жанры (при всей сложности понятия «исторические песни») относятся к эпосу. Тот факт, что в записях XIX–XX вв. женщины-сказительницы составляют около половины всех былинщиков, на данный тезис никак не влияет. Очевидно, что песенный эпос складывался в мужской среде (по некоторым гипотезам, в дружинной среде Киевской Руси).

Причитания, напротив, лирический жанр. Они входят в систему женских жанров. Плачи в период наблюдений над фольклорной традицией записывались исключительно от женщин. Примеры фиксации причетов от мужчин уникальны, они абсолютно не определяют наш взгляд на этот жанр (см., например, плач знаменитого былинщика П. И. Рябинина-Андреева о погибшем на Советско-финской войне брате — А. И. Андрееве (Рябинин-Андреев 1940)). Голошения, таким образом, демонстрируют женское понимание и женское знание о внешнем мире и пространстве.

Второй параметр

Топонимы в былинах нагружены не только пространственной семантикой, но и очень важной временной. Пространство в русском песенном эпосе — это пространство Киевской Руси (X–XIII вв.). Былины, таким образом, являются жанром, выполняющим в фольклорной традиции важнейшую функцию исторической памяти русского народа, представители которого на далеком Русском Севере помнили о зарождении русской государственности в Киеве на Днепре. Если опираться на историко-типологические построения В. Я. Проппа (миф — догосударственный эпос — государственный эпос), песенный эпос отражает государственное мышление его носителей.

В причетных топонимах функция времени (исторической памяти) отсутствует. Топонимы в голошениях, записанных в XIX–XX вв., соответствуют времени, синхронному жизни плакальщицы, и знаниям о пространстве, почерпнутым женщинами из нефольклорных источников.

Третий параметр

Пространство в былинах — единое для всех региональных традиций. Опорные топонимы Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Новгород и прочие формируют эпическое пространство в былинах во всех регионах: и в Заонежье, и в Беломорском Поморье, и на Пинеге, и на Печоре, и в Поволжье, и в Сибири и т. д. Особо подчеркнем, что ключевые топонимы русского эпоса — это названия городов (культурное пространство), которые и отражают государственное пространство

Киевской Руси с ее двумя центрами — Киев (киевский цикл былин) и Новгород (новгородский цикл). Гидронимы (Дунай, Днепр, Почайна, Волхов и пр.), хотя и занимают заметное место в былинах, все-таки по степени значимости уступают место названиям городов. Илья Муромец направляется из города Муром (а не с реки Оки, на которой расположен этот древнерусский город) в Киев (а не на Днепр). Равным образом, Добрыня Никитич родом оказывается из Рязани, а Ока, на котором стоит город, не упоминается. В связи с Алешей Поповичем, сыном Леонтия, попа Ростовского, в былинах не называется озеро Неро, рядом с которым располагается Ростов. Не знают былины название реки Десны, хотя Чернигов играет важную роль в ряде былинных сюжетов.

Пространство в причитаниях, в противоположность былинам, сугубо региональное. Это пространство, непосредственно знакомое женщине-плакальщице. В голошениях каждая региональная традиция определяет центром свой локус, причем, подчеркнем, это всегда водный локус. Наличие водного локуса в женском жанре (причитаниях) может быть объяснено двумя факторами. Во-первых, реки и озера на Русском Севере играли определяющую роль в хозяйственно-экономической жизни крестьян: освоение края, передвижение, торговые пути, рыбная ловля и пр. В жизни женщин река — это место, откуда берется вода, место стирки и т. д. Это реально-географический фактор, побуждающий женщин включать реку (озеро) в причитания, жанр импровизационный. Во-вторых, в большинстве водных локусов русского фольклора сохраняется мифологическая семантика, что наглядно видно и в свадебных, и в похоронных причитаниях.

Приведем несколько примеров. В свадебных голошениях, записанных в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии, опорным топонимом (а вернее, гидронимом) является река Волхов. Девичья воля, с которой прощается невеста, купается в Волхове:

Я пришла на славно Волхово,
Вижу, утица купаетца
Со малыми со утятами —
Отошла я, да раздумалась:
То не уточки купаются,
То не сиры умываютца, —
Тут купаетца-смываетца
Вольна волюшка дивическа
(Тенишев 2008 Т. 6: 361).

В другом севернорусском регионе — на Кенозере — в свадебном баенном плаче подружки-«водоносницы» берут воду из трех источников: с «матушки Угрюм-рики» и «матушки Свирёл-рики» (явно топонимы мифологического характера, манифестирующие «иное» пространство, связанное с лиминальным состоянием невесты), а также с «матушки Кинозер-рики», то есть с реки Кены, вытекающей из Кенозера и впадающей в реку Онегу. Кена (и Кенозеро), таким образом, прочно вписана в мифологический континуум (Соколовы 2011 Т. 2: 70–71, № 37, ст. 17). Равным образом Кенозеро наличествует и в местном похоронном голошении. Этот гидроним встречаем в мотиве ожидания покойного в гости, мотиве, в котором мифологические основы лежат на поверхности:

Станем дожидаться сиротиноцьки,
Приплыви, <наше желанньице> да великоё,
По славному виселому по Кенозеру
Да серой водоплавн<ой> утоцько<й>
(Соколовы 2011 Т. 2: 179–180, № 106, ст. 5–8).

В Вытегорском регионе (город Вытегра расположен на южном берегу Онежского озера) в свадебном причитании мы находим «Онегушко шумливое», речки Андому (протекает по современной Вологодской области, впадает с юго-востока в Онежское озеро) и Самину (правый приток Андомы) (Соколовы 2011 Т. 2: 66–70, № 36, ст. 45, 107, 108, 112, 119, 130, 131; в издании ошибочно — Санина).

В Заонежье, откуда родом знаменитая плакальщица Ирина Федосова, естественно, главным топонимом в причитаниях становится Онежское озеро, или же в формульном языке плачей — Онегушко (см. подробнее: Иванова 2017а: 14–35). Онегушко, например, является «границей», за которую невеста отправляет свою «волю» — главный символ девичества:

И отпущу волю за чисто нынь за полюшко,
И я за горушки-то волю за толкучии,
И за мхи да эту волю за дыбучии,
И я за синее за славно за Онегушко!
(Барсов 1997 Т. 2: 473, ст. 278–281).

Другой пример:

И тут отпущена бажёна у мяя волюшка,
И далечё ж она за сине за Онегушко!
И собирается бесценна воля вольная,
И среди да столько славного Онегушка
И все на луду сись она да на подводную
И на горячей же катучей синей камешек!
(Барсов 1997 Т. 2: 440, ст. 14–19; ср.: 295, ст. 800, 813; 394, ст. 79; 395, ст. 125).

Иномирная сущность Онегушка в данном примере поддерживается другим образом «иноного» мира: «горючий синий камешек».

Мифологическая семантика, заключенная в образе Онегушко, сохраняется и в похоронных причитаниях. В знаменитом «Плаче о потопших» Ирины Федосовой устами дочери, на глазах которой во время непогоды при переходе через озеро погибли отец с малолетним братом, рисуется следующая, вполне реалистическая, картина:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во углой малогребной этой лоточке <...>
Вдруг облака скорёшенько сходилися,
Наставала туча темня неспособная,
Без дождя туча темная, без молвии,
Побымалася погода непомерная! <...>
Как смахнула среди эта Онегушка
Во эту воду во глубокою:
Утонул отец с дитем да со родимым,
Он со малым своим да недоросточком!
(Барсов 1997 Т. 1: 208–209, ст. 1–46).

Тем не менее при всей реалистичности этой картины в описываемом эпизоде актуализируются архаичные мифологические смыслы, связанные с водным пространством. Спасение самой дочери, оказавшейся в результате непогоды на острове, и возвращение ее через несколько дней в родную деревню воспринимается соседями как возвращение из мира мертвых:

Устрашились суседи спорядовьи:
Это што теперь за чудо причудилося,
Со синя моря ведь диво объявилося:
Как со мертвых она да воставала,
На родимую сторонку доставалася!
(Барсов 1997 Т. 1: 214, ст. 273–277).

Центральным гидронимом на другом конце Русского Севера, в регионе реки Печоры, естественно, становится сама Печора — землеобразующая река этого края. В формульном языке причитаний Печора именуется «матерью (матушкой)».

В причитании Е. Ф. Поздеевой по сестре, утонувшей в Печоре, рисуется вполне достоверная картина гибели женщины: в непогоду лодка перевернулась при подходе к пароходу, на который собирались пересечь несколько пассажиров. Несмотря на то что река является местом и причиной гибели дорогого человека, в тексте плачей Печора остается «славной» и «матерью» (Базанов, Разумова 1962: 134, № 36, ст. 27–28). Появляется здесь и другой эпитет — «серебристая»:

Пойдём мы скоро, проедем-то,
По реченьке да по быстрой,
По Печоре мы по серебристой
(Базанов, Разумова 1962: 134, № 36, ст. 36–38).

В эпитете «серебристая», помимо поэтической составляющей, отражающей природные состояния (река серебрится при определенном освещении), на наш взгляд, можно прочесть и скрытую мифологическую семантику. Напомним, что иномирные царства в сказках рисуются как медное, серебряное и золотое. По-видимому, неслучайно образ Печоры в причитаниях связан с еще одним константным признаком иного мира — золотым цветом. В плаче Е. Ф. Поздеевой о племяннике-фронтовике сказительница в традиционном для причитаний мотиве ожидания родного человека, оказавшегося на войне, голосит:

Мы откуль их дожидать станем,
Откуль станем их высматривать? <...>
Мы по матушке да по быстрой реке,
По кормилице да золотой струе,
Мы по славной Печоре-матушке
(Базанов, Разумова 1962: 189, № 53, ст. 66–75).

Таким образом, водный гидроним в причитаниях является не только центром пространства, но и средоточием явных и скрытых мифологических смыслов.

Четвертый параметр

Четвертый параметр, по которому сопоставляются причитания и былины, скорее, общий для этих жанров. Если центральные локусы в названных жанрах противопоставляются по принципу культурное (город Киев) / природное (водное пространство), а следовательно, и по принципу историческое / мифологическое, то периферийные топонимы объединены принадлежностью к культурному пространству. Это города и селения, достаточно узнаваемые и исторически осозаемые.

В былинах, например, помимо Киева, это Чернигов — первое из удельных княжеств, отпавших от Киева времен Владимира Святого. С Черниговым, напомним, по разным вариантам связаны

биографии Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Ивана Годиновича, Ставра Годиновича и других эпических героев. Родом из Муромца (второе из удельных княжеств — Муромо-Рязанское) главный герой русского эпоса Илья Муромец. Другой богатырь, Добрыня Никитич, связан с Рязанью (Рязанское княжество отделилось от Муромо-Рязанского) (Иванова 2013а: 80–89).

Пространственные представления женщин-плакальщиц в XIX — начале XX в., как правило, ограничиваются своим уездом, своим краем. В Олонецкой губернии в разных текстах встретились город Пудога, город Повенецкий (Повенецк), Кижские острова, Толвуйское общество (Толвуйа), Шуньга, Палеостров и другие, и, конечно, Петровский город, то есть Петрозаводск. Однако специально подчеркнем, что в олонецких плачах XIX в., то есть в записях Е. В. Барсова от Ирины Федосовой, главный город губернии наделяется сугубо отрицательными коннотациями — «зловидный Петровский город», что связано с тем, что в Петрозаводск призывались рекруты. Рекрутский же набор в дореволюционной России для каждой крестьянской семьи, как известно, становился драмой (подробнее см.: Иванова 2017b: 15–23).

На Печоре для женщин важна Усть-Цильма — главное историческое селение. Этот топоним в печорской традиции наполняется исключительно положительными смыслами. В формульном языке Усть-Цильма — «славная». В причитании А. К. Носовой «По дедушке» девушка рисует вольную девичью жизнь при деде:

Я везде ходила да, бедна, ездила
 На добрых конях да на езжалых
 Я во славну да большу Усть-Цильму,
 Куда съезжались да люди добрые
 (Базанов, Разумова 1962: 76, № 13, ст. 20–23).

Усть-Цильма в текстах причетов предстает как реально-географический локус, хорошо знакомый сказительницам, — административный центр края, где решаются дела общественного характера, что отражает, например, плач А. К. Носовой по Андрею Владимировичу Журавскому (1882–1914) — биогеографу, одному из основоположников комплексного изучения Печорского края. А. В. Журавский был организатором 20 научных экспедиций, автором более 400 трудов, создателем опытной сельскохозяйственной станции. Ученый был застрелен на пороге станции. Свидетель гибели А. В. Журавского, согласно причети, бросается в Усть-Цильму к представителям властей:

Тут бросался удалый да добрый мóлодец,
 На добрых коней да на езжалых,
 Во славну да большу Усть-Цильму
 За тюремными да надзирателями
 (Базанов, Разумова 1962: 112, № 26, ст. 98–101).

В соответствии с реальностью мобилизованный на фронт в годы Великой Отечественной войны брат плакальщицы Е. Ф. Поздеевой (деревня Уег), метафорически названный в плаче «солнцем», отправляется из родной деревни в Усть-Цильму, где собирались мужчины, призванные в армию:

Как ушло солнце да укатилося
 Во славную да славну Усть-Цильму,
 Ко пристани да пароходской
 (Базанов, Разумова 1962: 164, № 42, ст. 108–110).

В другом причете Е. Ф. Поздеева при проводах мужа на Великую Отечественную войну горюет по поводу невозможности проститься с ним в Усть-Цильме — последней печорской точки, откуда пароходом мужчины отправлялись в армию:

Не судьба мне спровадить да ладу милую
До славной мне его до Усть-Цильмы,
До пристани да до центральной,
Откуда спрвожают все да белы лебеди,
Расстаются да они навеки,
Распрощаются да по-хорошему
(Базанов, Разумова 1962: 168, № 43, ст. 153–158).

Другая сказительница, О. И. Чупрова (деревня Уег), смогла приехать в Усть-Цильму при проводах родного ей человека:

Я пришла бедна, приехала,
На богату-ту да славну Усть-Цильму,
Спровадить тебя, да солнце красное
(Базанов, Разумова 1962: 220, № 66, ст. 131–133).

В причитаниях, подчеркнем еще раз, семантика топонимов, обозначающих города и селения, раскрывается в основном в реально-географических координатах.

Пятый параметр

В связи с анализом систем топонимов в причитаниях и былинах важен еще один аспект, по которому они могут быть сопоставлены: консерватизм / гибкость систем. Былинная топонимическая система, без сомнения, может быть определена как консервативная. Топонимическое ядро жанра, повторим, связано с Киевской Русью X–XIII вв. В песенный эпос достаточно безболезненно, почти не деформируя былинные сюжеты, в некоторых вариантах вошли Москва (полагаем, с XIV в., когда захудалое Московское княжество постепенно стало выходить на первые роли в Русском государстве (Иванова 2013b: 79–91)) и Волга, и Казань (с XVI в., когда Иваном Грозным были покорены Казанское и Астраханское княжества). Однако другие топонимы, зафиксированные в севернорусских былинах (Тобольск, Енисей, Ледовитый океан, Рим, Аральское море, Ярослав-город, Камчатка и др.), явно свидетельствуют о процессах разрушения эпического сознания. Особенно ярко это сказывается в появлении в былинах псевдотопонимов, позаимствованных из лубочной литературы (Флоринский город, царство Маркобруново) (Иванова 2016: 42–85).

Топонимическая система в причитаниях, напротив, оказывается гибкой. После 1917 г. в традиционной жизни русской деревни произошли кардинальные социальные и идеологические сдвиги. Школы, избы-читальни, газеты, радио, мобильность передвижений мужского (и отчасти молодого женского) населения внесли существенные изменения в представления плакальщиц о пространстве. Мы можем констатировать принципиальное расширение причетного пространства, причем это расширение, не деформирующее жанр.

В плачах, записанных на Печоре в 1942 г., неоднократно упоминается Нарьян-Мар. Напомним, что этот город, расположенный за полярным кругом, центр Ненецкого автономного округа, возник из выселка Белошеле, где в 1929 г. проживало всего 29 человек. Нарьян-Мар развивался как порт

на Печоре, а в 1934 г. был преобразован в город. Для низовья Печоры в 1930-е гг. Нарьян-Мар стал центром, привлекательным для молодежи. Е. Ф. Поздеева, причитывая при проводах братьев и братанов на Великую Отечественную войну, вспоминала, как ее брат занимался рыбьим промыслом в низовьях Печоры и приезжал в Нарьян-Мар. Город в формульном языке причитаний наделяется тем же эпитетом, что и Усть-Цильма — «славный»:

Ты повыедешь да во большой город,
 Во большой город, славный Нарьян-Мар.
 Ты снарядишься да подготовишься,
 Ты на завидость да людям добрым
 (Базанов, Разумова 1962: 171, № 44, ст. 80–83).

Жительницы низовой Печоры в 1930-е гг. прощались с мужчинами, призванными в армию на срочную службу, в Нарьян-Маре. Именно такую картину-воспоминание рисует Е. Ф. Поздеева в связи со своим мужем:

Уж мы стали с ним да расставатися,
 При славном-то при городе
 Мы при городе да Нарьян-Маре
 (Базанов, Разумова 1962: 146, № 39, ст. 45–47; ср.: 153, № 40 (повторная запись), ст. 96).

В пудожском причете И. Д. Кузнецовой «При проводах сыновей» в соответствии с биографическими обстоятельствами жизни плакальщицы упомянут Мурманск, куда отправился кто-то из ее сыновей:

Отпустила да отправила
 По всем по разным сторонушкам:
 Четыре буйные головушки,
 И на юге, и на севере,
 И во городе во Мурманске
 (Базанов, Разумова 1962: 452, № 30, ст. 19–23).

Расширение топонимической системы в причитаниях особенно рельефно видно на примере так называемых плачей о советских вождях, инспирированных собирателями, но тем не менее укорененных в традиции (Иванова 2002: 403–431). Помимо расширения системы можно отметить и замену одного названия другим при обозначении одного и того же локуса. Если в сборнике Е. В. Барсова при названии страны, в которой живет плакальщица, фиксируется топоним «Русия подселенная», то в записях М. М. Михайлова конца 1930-х гг. встречаются формулы «Россия / Россиюшка», «советская Россиюшка» (Михайлов 1940: 278, ст. 116 — плач Е. П. Копейкиной о Ленине), «Советская страна» (Там же: 287, ст. 7 — плач А. Т. Конашковой о Н. К. Крупской; 291, ст. 19 — плач А. М. Пашковой о В. П. Чкалове; 303, ст. 22 — плач С. Я. Якушовой об экипаже Леваневского) и «Советская земля» (Там же: 289, ст. 5 — плач Е. С. Журавлевой о Н. К. Крупской).

Онегушко — стержневой топоним собрания Е. В. Барсова — явно теряет свои доминирующие позиции. На место центрального топонима онежских причитаний в советское время начинает претендовать Москва, в формульном языке называемая «славная», «столица славная», «каменная», «бе-локаменная». Принципиальное расширение круга источников знания о столице Советского Союза (школа, газеты, радио) позволило плакальщицам детализировать московское пространство.

В голошениях встречаются Кремль, Красная площадь, Воробьевы горы, Москва-река. В плаче Е. А. Кокуновой о Ленине читаем:

Что у нас-то во Россиюшке,
Как во каменной Москве,
В каменной Москве, да в золотом Кремле,
В том Кремле да в мавзолее-то
Там лежит да тело мертвое,
Лежит да наш вождь Владимир Ильич
(Михайлов 1940: 263, ст. 9–14; ср. 285, ст. 15).

В причитании Е. С. Журавлевой о Ленине названа Красная площадь:

Прилетала я, многобеднушка,
Во Москву да белокаменну,
Как на ту да площадь Красную
(Михайлов 1940: 272, ст. 6–8; ср. 290, ст. 5).

В другом голошении о Ленине сказительница А. М. Пашкова упоминает Москву-реку:

Полетела бы прямёшенько
Я за матушку Москву-реку,
На Красну площадь бы спустилася,
К мавзолею б попросилася
(Михайлов 1940: 249, ст. 19–21).

В олонецких причитаниях 1930–1940-х гг. мы встречаем топонимы Ледовитый океан (плач С. Я. Якушовой о гибели экипажа Леваневского (Михайлов 1940: 303, ст. 7)), Архангельск (плач Ф. И. Быковой о летчиках, погибших у Архангельска (Там же: 309, ст. 25)). В условиях войны актуальным локусом для печорских женщин становится далекая Украина, о фашистской оккупации которой причитывали:

Отобрал у нас да злой, лихой ли враг,
Отобрал нашу Россию-матушку,
Россию-матушку, нашу Украину,
Украину да хлебородную
(Базанов, Разумова 1962: 172, № 44, ст. 128–131).

Причитания советского времени свидетельствуют, что пространственный кругозор плакальщиц (многие из которых были уже грамотными, а газеты и радио стали фактами повседневной жизни деревни) неизмеримо расширился по сравнению с 1860-ми гг. В причитаниях, записанных М. М. Михайловым (конец 1930-х гг.) и В. Г. Базановым и А. П. Разумовой (1942–1944), встречаются названия иностранных государств, актуальные для того или иного исторического периода.

Например, в плаче о В. П. Чкалове плакальщицы А. В. Ватчиевой в соответствии с биографией летчика назван топоним Америка (Михайлов 1940: 298, ст. 22). В плаче А. М. Пашковой о Ленине упоминается Испания — государство, название которого не сходило со страниц газет в 1936–1939 гг. в связи с гражданской войной в этой стране, в которой участвовали советские добровольцы:

Он [Ленин. — Т. И.] куда да поразъехался:
Он на горы ль Воробьевские

Или в далекую Испанию
Защищать людей невинных?
(Михайлов 1940: 252, ст. 9–12).

В заонежских плачах 1944 г. встречается топоним Финляндия, наделенный, естественно, отрицательными коннотациями: «Слышно выстрелы со проклятой со Финляндии» (Базанов, Разумова 1962: 284, № 46, ст. 14). «Чужим» назван Берлин в пудожском причете Е. П. Колыниной по раненому сыну:

Ему было поранение,
Как во ноженьки во резвые,
Под Берлином чужим городом
(Базанов, Разумова 1962: 444, № 27, ст. 29–31).

Сопоставление материалов, записанных в XIX и XX вв., позволяет осмыслить развитие топонимической системы в причитаниях во времени. Можно утверждать, что плачи 1860-х гг. (Е. В. Барсов) и 1930–1940-х гг. (М. М. Михайлов, В. Г. Базанов, А. П. Разумова) отражают принципиально разные уровни пространственного кругозора плакальщиц. В XIX в. это в основном региональное сознание, в советское время — государственное.

Исторические изменения, произошедшие в советской России, наложили отпечаток на топонимическую лексику (Русия подселенная → Советская страна), иерархию топонимов (Онегушко → Москва), расширение круга географических названий (Кремль, Москва-река, Красная площадь, горы Воробьевские, Кронштадт, Архангельск, Ледовитый океан, Испания, Америка). Топонимическая система причитаний, таким образом, в XX в. берет на себя (и вероятно, брала в прошлые века) важнейшие идеологические функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Базанов, Разумова — Русская народно-бытовая лирика: причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997.

Михайлов — Русские плачи Карелии / подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940.

Рябинин-Андреев П. И. Плач о брате, павшем в боях с белофиннами // На рубеже. 1940. № 10. С. 40.

Соколовы — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текстов, науч. коммент., приложений, справочного аппарата В. А. Бахтиной. М., 2011.

Тенишев — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии.

Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431.

Иванова Т. Г. Топоним *Рязань* в севернорусских былинах // Народная культура в слове и тексте: сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013а. С. 80–89.

Иванова Т. Г. Киев и Москва в севернорусских былинах (на материале записей в Архангельском крае) // Київ і слов'янські літератури: Збірник. Київ; Београд, 2013b. С. 79–91.

Иванова Т. Г. Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 35. С. 42–85.

Иванова Т. Г. Топонимы в олонекских причитаниях // Русская литература. 2017a. № 3. С. 14–35.

Иванова Т. Г. «Онего» / «Онегушко» и «Петровский город» в олонекских причитаниях // Федосовские чтения: Материалы научно-практической краеведческой конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой, Петрозаводск, 27–28 апреля 2017 г. Петрозаводск, 2017b. С. 15–23.

TOPONYMS IN THE NORTH RUSSIAN LAMENTATIONS: FEMALE VIEW OF SPACE

ABSTRACT. The article looks into toponyms and hydronyms which represent space in Northern Russian lamentations. It emphasizes that lamentations are a lyrical genre, and the weepings demonstrate female understanding and female knowledge about the outer world and space. The material of lamentations is compared to epics. The space in the epics appears to be the same for the folklore traditions of all regions; meanwhile space in the classical nineteenth-century lamentations is purely regional. Central place names in bylinas are the names of cities (Kiev, Novgorod, Murom, etc.); in lamentations they are hydronyms, denoting water spaces (Onego, Pechora, etc.). Comparison of the system of toponyms in the nineteenth-century lamentations with the records of the Soviet era, when drastic social and ideological shifts took place in Russia, reveals a fundamental expansion of North Russian peasant women's ideas of space. In their lamentations one can find such geographical names as Moscow, Red Square, Murmansk, etc.

KEYWORDS: lamentations, Russian North, toponyms, hydronyms

TATIANA G. IVANOVA — Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: tgivanova@ionbox.ru